

Научная статья
УДК 343.13
EDN HVQUIV
DOI 10.17150/2411-6122.2023.3.79-88

Компенсация морального вреда по преступлениям против собственности

Р.В. Мазюк

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, marova@mail.ru

Аннотация. Долгое время в практике уголовного судопроизводства существовал подход, согласно которому по преступлениям против собственности моральный вред не признавался органами предварительного расследования и судами в качестве основания для гражданско-правовых требований о его компенсации как результата преступления. Проведенный анализ авторских точек зрения показал, что подавляющее большинство ученых-процессуалистов выступает за возможность компенсации морального вреда по преступлениям против собственности. В статье особое внимание уделено ситуации, когда по уголовному делу о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, органы предварительного следствия отказываются признавать потерпевшим учредителя организации, которой преступлением причинен имущественный вред, а права потерпевшего-организации осуществляет конкурсный управляющий, осуществляющий процедуру банкротства данной организации. На основании решений Конституционного Суда РФ по данной проблеме, а также постановлений Пленума Верховного суда РФ автор приходит к выводу о том, что процессуальным интересом учредителя ликвидируемой в ходе уголовного судопроизводства организации, являющейся потерпевшим по уголовному делу, является получение самостоятельного процессуального статуса потерпевшего, обладая которым, он может активно участвовать в осуществлении уголовного преследования, непосредственно защищать права и законные интересы организации-потерпевшей наряду с конкурсным управляющим, а также заявлять гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного ему преступлением.

Ключевые слова: моральный вред, имущественный ущерб, потерпевший, юридическое лицо, нравственные страдания.

Для цитирования: Мазюк Р.В. Компенсация морального вреда по преступлениям против собственности / Р.В. Мазюк. — DOI 10.17150/2411-6122.2023.3.79-88. — EDN HVQUIV // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2023. — № 3. — С. 79–88.

Original article

Compensation of Moral Damage in Property Crimes

R.V. Mazyuk

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, marova@mail.ru

Abstract. For a long time, the practice of criminal proceedings was based on the approach in which the moral damage in property crimes was not recognized by the bodies of preliminary investigation as a reason for civil law claims to compensate

such damage as resulting from the crime. The conducted analysis of the opinions of different scholars showed that the overwhelming majority of proceduralists support the possibility of compensating moral damage in property crimes. The author pays special attention to a criminal case of fraud with intentional breach of contract in the sphere of entrepreneurship, where the bodies of preliminary investigation refuse to recognize the founder of the company that suffered property damage as the victim, and where the rights of the injured organization are represented by a bankruptcy trustee supervising the bankruptcy of the company. Using the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on this problem, and the decrees of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation, the author concludes that the procedural interest of the founder of the organization liquidated during criminal proceedings, and acting as the injured organization in the criminal case, consist in obtaining an independent procedural status of a victim, which gives this person an opportunity to actively participate in criminal prosecution, directly protect the rights and lawful interests of the injured organization alongside the bankruptcy trustee, and bring a civil action for the compensation of moral damage caused by the crime.

Keywords: moral damage, property damage, victim, juridical person, moral suffering.

For citation: Mazyuk R.V. Compensation of Moral Damage in Property Crimes. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2023, no 3, pp. 79–88. (In Russian). EDN: HVQUIV. DOI: 10.17150/2411-6122.2023.3.79-88.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим по уголовному делу признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Вместе с тем долгое время в практике уголовного судопроизводства существовал подход, согласно которому по преступлениям против собственности моральный вред не признавался органами предварительного расследования и судами в качестве основания для гражданско-правовых требований о его компенсации как результата преступления. Изучение судебной практики показало, что суды в своих решениях, отказывая потерпевшим в компенсации морального вреда, причиненного преступлением против собственности, руководствуются тем, что «не представлены доказательства физических либо нравственных страданий последнего» [1, с. 80]. Тем самым «отсутствие

надежного механизма восстановления нарушенных прав и компенсации ущерба, причиненного преступлением, фактически ставит потерпевшего в положение просителя» [2, с. 89].

Так, в научной литературе 2005 г. в подтверждение этому приводился следующий пример из судебной практики: «Медынским районным судом Калужской области были осуждены за кражу К. и С, и с них в пользу потерпевшей было постановлено взыскать 3 000 р. компенсации за причинение морального вреда, вызванного хищением телевизора и ковровой дорожки. Президиум Верховного Суда РФ, отменяя приговор суда в части компенсации морального вреда, указал, что в соответствии со ст. 151 и 1099 ГК РФ компенсация морального вреда допускается в случаях совершения действий, посягающих на неимущественные права граждан либо другие нематериальные блага. В иных случаях моральный вред компенсируется тогда, когда это предусмотрено законом. Действующее

законодательство не предусматривает возможности компенсации морального вреда, причиненного хищением имущества» [3, с. 47].

Кроме того, как отмечает Н.И. Крюкова, определение морального вреда «для признания лица потерпевшим вызывает трудности, обусловленные также и тем, что моральный вред относится к такого рода последствиям преступления, которые, являясь объективными по своей природе, внешне воспринимаются не столь явно, как вред физический или имущественный» [4, с. 54].

Вместе с тем, по обоснованному мнению С.М. Воробьева, «любое преступление, в том числе дискриминационного характера, совершается помимо воли пострадавшего, то есть посредством насилия, включая психическое... По совершении преступления потерпевший продолжительное время испытывает последствия нанесенного ему морального вреда в виде дискомфортного (угнетенного) состояния, вызванного случившимся и сопровождающегося возникновением чувства тревоги, незащищенности, страха за свою жизнь, мести и т.п.» [5, с. 396]. Как полагает автор, «при совершении преступления, связанного с нарушением имущественных благ (например, кражи), нарушается привычное психическое состояние человека на неопределенное время. В частности, вследствие внезапно возникшего волнения при обнаружении отсутствия личной вещи у человека нарушается душевное равновесие, появляется беспокойство, которое может сопровождаться чувством утраты и изменением состояния здоровья (повышение давления, обострение заболеваний). Все это свидетельствует о нарушении психического благополучия человека и причинении ему морального вреда, вызванного нарушением его материальных благ» [6, с. 10].

Нельзя не согласиться с мнением К.В. Михайлова о том, что «при совершении любого преступления против собственности, включая ненасильственные, потерпевшему в результате нарушения его имущественных прав причиняется моральный вред в виде нравственных страданий, которые являются синтезом негативных эмоциональных переживаний по поводу значимых для личности социальных объектов (в данном случае личного имущества), возникающих именно в результате совершения преступления. Такие нравственные страдания выражаются в кратковременных ситуативных нравственных эмоциях либо аффективных переживаниях, возникающих в ситуациях, вызывающих воспоминания о вредоносном воздействии виновного на охраняемые законом социальные ценности — собственность и личность» [7, с. 18].

И.А. Сухаревский в этой связи логично подчеркивает, что в случае причинения неимущественного вреда при совершении имущественных преступлений «важно не благо, на которое совершено посягательство, а результат, насколько он отразился на внутренней, душевной сфере потерпевшего» [8, с. 13].

Наконец, А.Г. Кольчурин и В.В. Плетнев справедливо подчеркивают, что в результате совершения преступления «следует учитывать нравственные страдания пострадавшего, связанные с утратой возможности ведения определенного образа жизни, круга общения, социального статуса (одежда, питание, отдых, увлечения и т.п.)» [9, с. 36].

Повышенную актуальность рассматриваемая тема имеет в рамках такого вида преступлений, как мошенничество. Особенностью уголовных дел о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предприни-

матерской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), является то, что в качестве потерпевшего признается организация (юридическое лицо), которой преступлением причинен имущественный вред, а права потерпевшего-организации осуществляет ее представитель, в качестве которого чаще всего выступает руководитель данной организации (ч. 9 ст. 42 УПК РФ). Ситуация осложняется в тех случаях, когда в результате причиненного организации имущественного ущерба она теряет экономическую возможность продолжать осуществление предпринимательской деятельности, и ее учредитель принимает решение о ликвидации юридического лица в рамках осуществляемого производства по уголовному делу. В судебно-следственной практике существует тенденция, согласно которой в подобных случаях в качестве представителя потерпевшего (ликвидируемой организации) признается конкурсный управляющий, осуществляющий процедуру банкротства данного юридического лица. Это обусловлено тем, что с началом процедуры банкротства руководитель организации утрачивает свои гражданско-правовые полномочия, а потому больше не может быть представителем потерпевшего по уголовному делу.

Между тем, учредитель такой организации (нередко являющийся и ее бывшим руководителем) в производстве по уголовному делу имеет процессуальный статус свидетеля, а потому активно участвовать в осуществлении уголовного преследования возможности не имеет. На заявляемые ходатайства наделить учредителя организации процессуальным статусом второго потерпевшего по уголовному делу органами предварительного расследования принимаются решения об отказе в их удовлетворении с мотивировкой, со-

гласно которой ему как физическому лицу преступлением не был причинен имущественный вред.

Данная практика представляется незаконной по следующим причинам.

Как представляется, отказ в признании учредителя организации потерпевшим в рассматриваемой ситуации ограничивает его конституционное право на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ), не позволяя защищать по уголовному делу свои права и законные интересы как жертвы преступления в международно-правовом понимании.

Согласно Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 г.) термином «жертвы преступлений» обозначаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств — членов ООН (п. 1). Таким образом, с точки зрения норм международного права сложившееся в результате совершения преступления против имущества организации правовое положение ее учредителя существенно ущемляет его права по управлению и руководству данным юридическим лицом, предусмотренные, например, ч. 1 ст. 8 и ч. 3 ст. 40 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹.

¹ Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

В этой связи следует поддержать мнение О.В. Полстовалова о том, что «наделение всеми необходимыми правами жертв преступлений, составами которых охватывается причиненный им вред, и пострадавших от криминальных посягательств, вред от которых не предусмотрен соответствующей нормой Особенной части УК РФ, уже в стадии возбуждения уголовного дела до их признания потерпевшими и пострадавшими с особым статусом позволит в полной мере реализовать куда как более широкий формат не просто охранительного, а именно восстановительного правосудия [10, с. 813].

С точки зрения национального права учредителю ликвидируемой организации, признанной потерпевшим по уголовному делу о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности, в результате совершения преступления также причиняется вред, как имущественный, так и моральный [11, с. 119].

Как справедливо отмечает судья Верховного Суда РФ С.Р. Зеленин, «при причинении вреда имуществу юридического лица необходимо иметь в виду, что в соответствии с ч. 7 ст. 63 ГК РФ при ликвидации юридического лица его имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов, передается его учредителям. Именно это обстоятельство может послужить основанием для утверждения, что от преступления пострадали и учредители ликвидируемого юридического лица» [12, с. 41].

А именно п. 6 ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» предусматривает право учредителя общества с ограниченной ответственностью получить в случае ликвидации общества часть имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами, или его стоимость.

Соответственно, если бы организация ликвидировалась в ситуации, когда против ее имущества не было бы совершено преступление, то учредитель имел бы возможность получить полностью или частично такое имущество либо его стоимость. Однако в результате совершенного преступления после ликвидации организации получить данное имущество или его стоимость не представляется возможным, что следует рассматривать как упущенную выгоду учредителя, которая с точки зрения гражданского права является составной частью убытков (ч. 2 ст. 15 ГК РФ).

Кроме того, в результате совершенного в отношении организации преступления ее учредителю, как представляется, причиняется и моральный вред. В результате совершенного в отношении организации преступления и, как результат, начала процедуры ее банкротства у учредителя данной организации появляется чувство угнетенности по поводу потери основного источника дохода не только для себя, но и для своей семьи, а также по поводу перспектив своей будущей предпринимательской деятельности. В целом, у него появляется страх потери созданной им коммерческой организации, который можно сравнить со страхом потери близкого человека; значительно ухудшается качество жизни.

Несмотря на то, что Конституционный Суд РФ напрямую не высказывал своей позиции по поводу возможности признания морального вреда в качестве основания признания учредителя ликвидируемой организации потерпевшим и по поводу возможности его компенсации в дальнейшем, ряд решений Суда содержат положения, которые нельзя не принимать во внимание в рамках данной темы.

Так, в Определении от 24 декабря 2020 г. № 3039-О Конституционный Суд РФ отметил, что «положения ста-

ть 42 УПК Российской Федерации и статьи 159 УК Российской Федерации в их системной связи с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации не определяют отказ в компенсации морального вреда лицу, которому преступлением были причинены физические и (или) нравственные страдания, в силу одного лишь факта квалификации совершенного деяния как посягающего на имущественные права»².

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П³ указано, что включение законодателем вреда определенного вида (например, имущественного) в качестве обязательного признака состава преступления не означает, что данное деяние не способно повлечь иные общественно опасные последствия, в том числе в виде причинения вреда другого вида (в частности, морального), которые формально остаются за пределами законодательной конструкции состава преступления (п. 3). В связи с этим Конституционный Суд РФ справедливо отмечает, что такого рода преступление, нарушая в первую очередь имущественные права потерпевшего, одновременно посягает и на такое важнейшее нематериальное благо, как достоинство личности, а также может посягать и на иные нематериальные блага либо нарушать личные немущественные права и тем самым — при определенных обстоятельствах — может порождать у этого лица физические или нравственные страдания. Их причинение потерпевшему должно влечь —

наряду с возмещением причиненного ему в результате преступления имущественного ущерба — и возникновение у него права на компенсацию морального вреда в рамках предусмотренных законом процедур (п. 5).

Данная позиция Конституционного Суда РФ нашла свое отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»⁴, в котором под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные немущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные немущественные права автора результата интеллектуальной деятель-

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Фурман Анны Григорьевны на нарушение ее конституционных прав частью восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 24 дек. 2020 г. № 3039-О // СПС «КонсультантПлюс».

³ Российская газета. 2021. № 257.

⁴ Российская газета. 2022. № 267.

ности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина (п. 1).

Моральный вред от преступления, как предусматривает данное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, может, в частности, заключаться в нравственных страданиях, под которыми понимаются, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции). Отсутствие заболевания или иного повреждения здоровья, находящегося в причинно-следственной связи с физическими или нравственными страданиями потерпевшего, само по себе не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда (п. 14).

Наиболее значимым в аспекте рассматриваемой темы положением указанного Постановления Пленума Верховного суда РФ стал п. 5, согласно которому гражданин, потерпевший от преступления против собственности, например, при совершении кражи, мошенничества, присвоения или растраты имущества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием и др., вправе предъявить требование о компенсации морального вреда, если ему причинены физические или нравственные страдания вследствие нарушения личных

неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага. При этом, п. 17 данного Постановления предусматривает, что факт причинения морального вреда потерпевшему от преступления, в том числе преступления против собственности, не нуждается в доказывании, если судом на основе исследования фактических обстоятельств дела установлено, что это преступление нарушает личные неимущественные права потерпевшего либо посягает на принадлежащие ему нематериальные блага.

Таким образом, несмотря на то, что для преступления, предусмотренного ч. 5–7 ст. 159 УК РФ, непосредственным объектом посягательства в теории уголовного права рассматривается имущество организации, одним из результатов такого посягательства являются нравственные страдания физического лица, являющегося ее учредителем (и нередко одновременно ее руководителем), вызванные необходимостью ликвидацией данного юридического лица. Учредитель ликвидируемой организации, в частности, испытывает переживания по поводу того, что после окончания процедуры банкротства данной организации в производстве по уголовному делу исчезнет такой участник уголовного судопроизводства, как потерпевший. В этом случае в уголовном деле будет отсутствовать лицо, в законных интересах которого должно реализовываться назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Поэтому у учредителя организации, которому было отказано в признании потерпевшим по уголовному делу, появляются нравственные страдания в виде ощущения своей бесправности и юридической незащищенности по уголовному делу.

Между тем, как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16 мая 2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве», «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» (п. 3). Очевидно, что по рассматриваемой категории уголовных дел данная формулировка является декларативной.

С учетом изложенного можно сделать следующий вывод: процессуальным интересом учредителя ликвидируемой в ходе уголовного судопроизводства организации, являющейся потерпевшим по уголовному делу, является получение самостоятельного процессуального статуса потерпевшего, обладая которым, он может активно участвовать в осуществлении уголовного преследования, непосредственно защищать права и законные интересы организации-потерпевшей наряду с конкурсным управляющим, выступающим в качестве представителя организации-потерпевшего на период ее процедуры банкротства, а после ее ликвидации — свои права и законные интересы как выгодоприобретателя ее оставшегося имущества (в том числе, того имущества, на которое было совершено преступное посягательство), а также заявлять гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного ему преступлением.

Еще в 2001 г. С.В. Нарижный писал, что «в научной литературе имеются предложения установить на законода-

тельном уровне основания компенсации морального вреда, вызванного преступными посягательствами на имущественные права граждан» [13, с. 82]. Думается, что первичная проблема компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве заключается в том, что по преступлениям против собственности, в частности, по делам о мошенничестве, сопряженном с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ), заинтересованные лица изначально не могут добиться получения процессуального статуса потерпевшего по уголовному делу, что делает и невозможным дальнейшее заявление ими гражданского иска о компенсации морального вреда. Поэтому, несмотря на позитивную оценку вышеуказанных положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», необходимо в этой связи дополнить и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 (в ред. от 16 мая 2017 г.) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» соответствующим положением, которое бы согласовывало между собой указанные решения Верховного суда РФ в части правовой оценки морального вреда по преступлениям против собственности как основания признания лица потерпевшим и как основания заявления в уголовном судопроизводстве требования о его компенсации.

Список использованной литературы

1. Самиулина Я.В. Практика компенсации потерпевшим морального вреда, причиненного ненасильственным преступлением против собственности / Я.В. Самиулина, Ю.А. Кузюленкова. — EDN YTFIFIM // Вестник Самарского юридического института. — 2018. — № 1 (27). — С. 79–82.

2. Самойлова Ж.В. К вопросу о проблемах компенсации морального вреда потерпевшему от преступления / Ж.В. Самойлова. — EDN MWLMDJ // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2010. — № 4. — С. 89–94.
3. Андреев Ю.Н. Возмещение морального вреда в уголовном судопроизводстве / Ю.Н. Андреев // Российская юстиция. — 2005. — № 10. — С. 45–55.
4. Крюкова Н.И. Моральный вред как основание для признания лица потерпевшим / Н.И. Крюкова. — EDN PFKCOD // Российская юстиция. — 2012. — № 7. — С. 53–55.
5. Воробьев С.М. Эволюция института компенсации морального вреда в российском праве (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С.М. Воробьев. — Москва, 2014. — 535 с.
6. Воробьев С.М. Моральный вред как одно из последствий имущественных преступлений / С.М. Воробьев. — EDN OISZPT // Юрист. — 2004. — № 3. — С. 9–10.
7. Михайлов К.В. Возможна ли компенсация морального вреда, причиненного потерпевшему ненасильственным преступлением против собственности? / К.В. Михайлов. — EDN TUVXID // Виктимология. — 2015. — № 1 (3). — С. 16–19.
8. Сухаревский И.А. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.А. Сухаревский. — Краснодар, 2003. — 19 с.
9. Кольчурин А.Г. О возмещении морального вреда при рассмотрении уголовного дела о ДТП / А.Г. Кольчурин, В.В. Плетнев. — DOI 10.18572/0131-6761-2021-3-36-37. — EDN BQQGGN // Российская юстиция. — 2021. — № 3. — С. 36–37.
10. Полстовалов О.В. Пострадавшие от преступлений, которые по сложившейся практике не признаются потерпевшими / О.В. Полстовалов. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(4).805-816. — EDN ZXFUZZ // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 4. — С. 805–816.
11. Иванова Ж.В. Компенсация морального вреда в уголовном процессе / Ж.В. Иванова. — EDN JTAZID // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2006. — № 6. — С. 118121.
12. Зеленин С.П. Когда учредитель ликвидированного юридического лица, признанного потерпевшим, может остаться в процессе / С.П. Зеленин. — EDN PBYLRB // Уголовный процесс. — 2011. — № 7. — С. 40–41.
13. Нарижный С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России / С.В. Нарижный. — Москва : Герда, 2001. — 288 с.

References

1. Samiulina Y.V., Kuzovenkova Ju.A. The Practice of Compensation for Moral Harm to Injured Persons, Caused by a Non-Violent Crime Against the Property. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2018, no. 1, pp. 79-82. (In Russian). EDN: YTFEIM.
2. Samoylova Z.V. To the Issue of Moral Damage Compensation for the Crime Victim. *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2010, no. 4, pp. 89–94. (In Russian). EDN: MWLMDJ.
3. Andreev Yu.N. Compensation of Moral Damage in Criminal Proceedings. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2005, no. 10, pp. 45–55. (In Russian).
4. Kryukova N.I. Moral Damage as the Basis for Recognizing a Person to be a Victim. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 7, pp. 53–55. (In Russian). EDN: PFKCOD.
5. Vorobev S.M. *The Evolution of the Institute of Compensating Moral Damage in Russian Law (theoretical legal study)*. Doct. Diss. Moscow, 2014. 535 p.
6. Vorobev S.M. Moral Damage as a Consequence of Property Crimes. *Yurist = Jurist*, 2004, no. 3, pp. 9–10. (In Russian). EDN: OISZPT.
7. Mikhaylov K.V. Is Compensation of Moral Damage to the Victim in a Non-violent Crime Against Property Possible? *Viktimologiya = Victimology*, 2015, no. 1, pp. 16–19. (In Russian). EDN: TUVXID.
8. Sukharevskii I.A. *Indemnification of Moral Damage in Criminal Court Proceedings*. Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2003. 19 p.

9. Kolchurin A.G., Pletnev V.V. On Compensation for Non-Pecuniary Damage in the Consideration of a Criminal Case on an Road Traffic Accident. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2021, no. 3, pp. 36–37. (In Russian). EDN: BQQGGN. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-3-36-37.

10. Polstovalov O.V. Victims of Crimes who are not Recognized as Such in Practice. *Vse-rossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 805–816. (In Russian). EDN: ZXFUZL. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).805-816.

11. Ivanova Z.V. Indemnification of Moral Harm in the Criminal Process. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2006, no. 6, pp. 118–121. (In Russian). EDN: JTAZID.

12. Zelenin S.R. When the Founder of a Legal Entity Recognized as the Victim Can Stay in the Process. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2011, no. 7, pp. 40–41. (In Russian). EDN: PBYLRB.

13. Narizhnii S.V. *Compensation for Moral Damage in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Gerda Publ., 2001. 288 p.

Информация об авторе

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация.

Author Information

Mazyuk, Roman V. — Ph.D. in Law, Chair of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision, Institute of Justice, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 15.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.02.2023

Принята к публикации / Accepted 29.07.2023

Дата онлайн-размещения / Available online 30.08.2023